

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-16-27

В. Н. Карпович

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

kkvvn@gmail.com

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ЛОГИКА И ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ

Теория аргументации предположительно должна быть связана с рациональностью. Традиционно рациональность определялась в связи с логикой, и в то же время была частью теории аргументации. Таким образом, через логику аргументация приобретала признак рациональности, в то время как риторическая составляющая обеспечивала успешность коммуникации. Однако возможности разной логики и особенности практической рациональности предполагают другую последовательность родовидовых отношений: рациональность, аргументация, логика

Ключевые слова: аргументация, логика, рациональность, истина, форма, содержание.

Понятие аргументации и представления об ее функциях и сущности составляют важную часть культуры общества. Практика аргументации характеризует общества в различных его сферах, где аргументация применяется как средство обоснования. Очевидным образом, использование риторических приемов с целью убеждения публики в необходимости согласиться с определенной точкой зрения тоже представляет собой аргументацию, вплоть до приемов умолчания и эмоционального воздействия. Это хорошо понимают политические деятели. По некоторым свидетельствам, в архиве Черчилля якобы нашли черновик одной из его речей с пометкой возле одного места со словами: «Аргументация слаба, повысить голос»¹. Другой пример

---

¹ Достоверных свидетельств этому нет, но достаточно «погуглить» по имени и слову «аргумент» или «довод» в сети, можно увидеть ссылки на тексты, пересказывающие эту историю; в конце концов, неважно, достоверен ли сам факт. Такая фраза может оказаться и английской поговоркой. Важно, что она верно отражает расхожее представление о соотношении логики и риторики с их особыми задачами.

своеобразного понимания сути аргументации дает распространение в современном политическом дискурсе особого употребления слова «опровержение»: опровержение сводится к голому отрицанию представленных фактов – в ответ на сообщение, что дело обстоит так-то и так-то (сопровождающееся свидетельствами или нет), просто говорится «Нет», без всяких дальнейших комментариев. Ясно, что речи о логике в обоих приведенных примерах нет, поскольку в упомянутой пометке на полях явно игнорируется вопрос об истинности или ложности комментируемых мест доклада, а пример отрицания без рассуждения – это не аргументация, «это уход в отказ». Наконец, хочется напомнить речь Сократа в тексте Платона «Апология Сократа», которая сразу начинается с различия между «красноречием» и стремлением к правде. Сократ здесь удивляется тому, что выступавшие прежде него обвинители считают его искусным оратором, и поэтому призывают присутствующих «остерегаться, как бы он не провел их своим ораторским искусством». Сам же он сообщает о себе, что «во все не силен в красноречии», оговариваясь при этом, что обвинители может быть и правы, но только при условии, что они «считают сильным в красноречии того, кто говорит правду». В этих словах противопоставляются риторика с ее главной целью убеждения любыми средствами, как у софистов, и аргументация, цель которой состоит в познании истины.

С другой стороны, понятия аргументации и логики хотя и не совпадают, зачастую трудно различимы. Исторически общим словом «софизм» в практике учителей красноречия того времени назывались учебные примеры аргументации, среди которых были не только уловки, но и правильные умозаключения. Фактически логика в широком смысле трактуется как наука об аргументации и ее законах, а приведенные примеры стремления к убедительности просто выводятся за рамки логики как науки. Как известно, трактат Аристотеля «О софистических опровержениях» был посвящен критериям правильности аргументирования. Опять-таки, в самом начале указывается, что опровержения могут быть как правильными умозаключениями, так и паралогизмами. Действительно, «опровержение – это умозаключение с выводом, противоречащим заключению [собеседника]», а некоторые из них «не осуществляют этого (опровержения. – В. К.), но кажутся осуществляющими это» [Аристотель, 1978. С. 535]. Сама идея обоснования мнений и точек зрения путем аргументации доминировала в культуре того времени. При этом софистические школы трактовали аргументацию как науку о споре и способах победы в нем, в частности, в дебатах на политические темы, и тогда понятие истины

уходило на второй план. Известно, что название «софист» применялось к учителям красноречия и философским школам, утверждавшим относительность истины – чем и объясняются слова Сократа. Некоторые из софистов прямо отрицали даже возможность истинного знания в своих философских учениях, и по этой причине единственной целью аргументирования считали убеждение слушателя или оппонента в необходимости принять предлагаемую ими точку зрения.

В противоположность софистическим взглядам и в борьбе с ними Аристотель придерживался философской теории истины как соответствия. В дальнейшем в философии такое понимание истины стали обозначать словосочетанием «корреспондентная теория истины», потому что ее главное положение состояло в том, что истина заключается в соответствии (корреспонденции) теорий, мнений или убеждений реальному положению дел в мире. Безусловно, все главные положения такой теории истины требовали философского обоснования, поскольку все входящие в нее концепты – реальность, соответствие, знание, познание – представляли собой философские категории, а значит, могли трактоваться по-разному. В качестве примера технической реализации идеи в логике можно сослаться на то, что у самого Аристотеля буквального определения истины как соответствия реальности нет. Оно выражено несколько иначе, а именно так: «истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное связанным, а ложное – тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами». В этом заключается основная идея, как она представлена вместе с примерами в гл. 10 кн. 9 «Метафизики» [Аристотель, 2006].

Ясно, что по сути речь идет о корреспондентной теории истины², но интересен сам способ изложения этого философского учения – сопоставление высказывательных форм с разновидностями фактов, утвердительных и отрицательных. Объяснение такого построения текста заключается в особой философской трактовке знания, реальности и обоснования. Напомним, что элементарное знание о мире Аристотель представлял в форме так называемого «простого категорического суждения», которое должно состоять из двух понятий (терминов), субъекта и предиката, и связи, которая может быть утвердительной

² Можно даже сказать, что А. Тарский в его знаменитой работе «Определение истины для формализованных языков» эту идею сформулировал буквально этими же словами, когда представлял условия «формальной корректности и материальной адекватности» для своего «семантического» определения истины. Более того, сама техника построения формального определения строилась как реализация такого «материального» представления об истине.

или отрицательной. Субъект, посредством отсылки к признакам, выделяет тот класс реальных предметов, о котором говорят, предикат – что именно, какая реальная характеристика, приписывается субъекту в суждении. В результате мы получаем четыре типа элементарных суждений о мире: общеутвердительное, общеотрицательное, частноутвердительное, частноотрицательное. Если категории предметов связаны, а суждение при этом отрицательное, то оно ложно; наоборот, если суждение утвердительное, то отсутствие какого-либо отношения между составляющими понятиями и представляемыми в нем категориями предметов делает его ложным. Связь терминов выражается парой утвердительных логических связок «Некоторые / Все... являются ---» и парой отрицательных «Некоторые / Все... не являются ---», что при подстановках вместо пропусков соответствующей пары терминов (понятий) как раз дает четыре варианта простых суждений, которые и составляют знание (мнение, истинное или ложное) об элементарных фактах – и это те самые четыре варианта, которые фигурируют в тексте в качестве разъяснения того, как следует употреблять слова «истинно» и «ложно».

Дальше теория строится комбинаторно. Простые суждения фиксируют исходное знание, самое простое, состоящее из отношения двух понятий. Соединение простых суждений в аргументе (умозаключении) представляет собой текст, который ставит истинность одного суждения (заключения) в зависимость от истинности других (посылок). Это уже учение о так называемом «простом категорическом силлогизме», состоящем, соответственно, из простых категорических суждений. Хотите доказать, что все греки брюнеты? Строим силлогизм: «Все греки люди, все греки брюнеты, значит, некоторые люди брюнеты». Такое умозаключение – это один из способов аргументации. Из двух исходно принимаемых суждений выводится третье. Отдельно мы имеем откуда-то сведения, что все греки брюнеты, возможно, об этом нам сообщил некий авторитетный источник, или мы никогда не встречали других греков, и поэтому решили, что все они брюнеты. Отдельно, на каких-то основаниях, мы убеждены, что все греки люди, хотя бы потому, что по определению греки – это разновидность людей, и мы это знаем в силу языковой конвенции – греками в собственном смысле слова можно называть только людей. Понятно, что кличку «Грек» можно дать и животному, но это будет не понятие, а собственное имя отдельного предмета, не отражающее его свойств, кроме случайного обстоятельства связи с особым сочетанием букв или звуков, а значит, существенного отношения между значением и обозначаемым не будет. Тогда, собирая эти два знания

(мнения) о реальности в посылках силлогизма, мы приходим к третьему знанию (мнению), истинность которого зависит от истинности наших посылок и представляет собой заключение силлогизма.

Цель теории заключается в том, чтобы дать обоснованный метод выделить правильные из всех возможных, правильных и неправильных разновидностей (модусов) силлогизма. Всего разновидностей простых категорических силлогизмов (модусов) 256, а вот правильные модусы, т. е. сохраняющие истину от посылок к заключению, считают по-разному. Традиционно насчитывают 19, но это только так называемые «сильные» модусы, в которых переходят от общего в посылках к общему заключению во всех случаях, когда это возможно. Если включить ослабленные модусы, с общими посылками, но частным заключением, то получим 24, по шесть правильных модусов на каждую из четырех фигур – и вот здесь уже возникает проблематика существования тех категорий предметов, о которых идет речь. Самый проблемный модус в этом отношении – это *darapti* по третьей фигуре, и он как раз намеренно использован в примере силлогизма выше, с частным заключением «Некоторые люди брюнеты» и двумя общими посылками. Наконец, если исключить модусы с так называемыми «экзистенциальными предпосылками», т. е. предполагающие непустоту содержащихся в модусе терминов (т. е. говорящих о несуществующих предметах), то правильных модусов останется 15. Философская проблема предпосылок существования в исходных суждениях, а значит, возможности пустых терминов и их особой логике возник позже, в конце XIX в., с появлением новой логической теории. До этого вопрос обсуждался, даже по той простой причине, что различались сильные и ослабленные модусы, но по умолчанию считалось, что если термин используется, то он обязательно указывает на какие-то объекты, и эта установка как традиция тоже шла от Аристотеля и составляла часть философии логики как теории аргументации.

Суммируя предыдущие рассуждения, можно сказать, что суть такого теоретического (или логического) представления об аргументации состоит в следующем. Понятия представляют группы (категории) реальных предметов, соединение категорий в простом суждении – это элементарное знание о мире, истинное или ложное, умозаключение – это соединение простых суждений в текст, который репрезентирует умозаключение. Аргументация представляет собой переход от (предполагаемой) истинности одних суждений к истинности других посредством силлогизмов и их соединения в определенную логическими правилами последовательность, называемую доказательством, если

переход от посылок к заключению состоит более чем из одного умозаключения. Когда этот путь пройден, легко определиться с тем, какие простые категорические умозаключения следует назвать правильными. Это в точности те умозаключения, которые в процессе аргументации сохраняют истинность при переходе от знания, содержащегося в посылках, к знанию, выраженном в заключении. Учение о дедукции (буквально *выводе*, *вытаскивании*) – это и есть основное ядро учения Аристотеля о *правильной* аргументации, и часть этого учения была изложена и «Риторике», и другой теории дедукции не было вплоть до XIX столетия. Суть логического опровержения софистических (неправильных) аргументов состоит в том, чтобы показать, что при истинности посылок заключение может быть ложным, т. е. в приведении контрпримера. Допустим, кто-то утверждает, что если на улице мокро, то это значит, что там идет (или шел) дождь. Легко придумать контрпример: например, вполне возможно, что на видимой из окна части улицы мокро, однако не из-за дождя, а из-за того, что прошла поливальная машина. Это говорит о том, что указание на один факт (на улице мокро) не является достаточным аргументом для заключения об истинности утверждения о другом событии (дожде). На самом деле подразумеваемое логическое отношение между двумя фактами другое, а именно, это эмпирический закон «если идет дождь, то на улице мокро», и представленный переход от «мокро» к «дождю» будет неправильным. Утверждение следствия (мокро) не гарантирует истинности основания (дождь), и поэтому в целом аргументация по следующей схеме неправильна, это формальная ошибка «утверждение следствия»:

Когда дождь, на улице мокро. На улице мокро. Значит, на улице дождь.

Понятно, что у события «мокро», кроме события «дождь», могут быть и другие причины. В приведенном примере это заметить легко, хотя на самом деле многие ошибаются, и этому есть прагматическое объяснение. Придумать опровергающий пример, особенно для простого категорического силлогизма, не всегда легко. Нужно было придумать теорию, а значит, систему правил, нарушение которых сразу квалифицирует умозаключение как недостоверное. Именно это и сделал Аристотель.

В результате редукции аргументации к логике возникает представление о правильной или неправильной аргументации как прикладной логики. Риторические приемы, особые лингвистические конструк-

ции и эмоциональная напряженность и «заряженности» речи тоже могут быть частью теории аргументации, но выходят за рамки обоснования в разряд способов достижения убедительности в коммуникативных актах, имеющих отношение в лучшем случае к приемам распространения истины, а не к способам ее обоснования. Недаром учебники риторики, где речь идет об убедительности, часто содержат логические правила в качестве риторических правил, позволяющих в некоторых случаях убедить аудиторию в истинности выдвигаемого положения.

Особенностью обоснования, благодаря логике, становится рациональность. Совершенно элементарные, базовые суждения о реальности – это простые категорические суждения, получившие обоснование прямое (наблюдением) или косвенное (авторитетное мнение, достоверное свидетельство, протокольное предложение, формальное свидетельство под присягой – тестимония). Следует особо отметить, что *при связке логики и аргументации идея рациональности заключается в том, что умозаключения относятся к рациональному, а не чувственному познанию*. Все элементы доказательства, с точки зрения логики представляющего собой связанную цепочку умозаключений, включают в себя только формы рационального познания – понятия, суждения, умозаключения. Правильность или неправильность доказательств не важна, важны составляющие аргумента и их связи. Кстати, следует обратить внимание на слово «доказательство» в этом контексте. Предложить доказательство еще не значит доказать. Доказательство в логике – термин описательный, это цепочка умозаключений, *предположительно* ведущая от допущения истинности посылок к утверждению истинности заключения – тоже предположительной, потому что зависит уже не только от посылок, но и правильности или не правильности составляющих умозаключений. То же самое относится тогда и к аргументации, она может быть правильной или неправильной, приемлемой или неприемлемой. Знаменитая формула «клянусь говорить правду, только правду и ничего кроме правды» при формальных свидетельствах о фактах прекрасно это отражает, причем главным признаком правильности становится (предполагаемая) истинность доказываемого, а не коммуникативная (суггестивная) убедительность. Известны и признаки аргументации в формальных обстоятельствах, тоже восходящие к Аристотелю, – допустимость (в частности, документальное, процессуально оформленное подтверждение приводимых фактов), относимость (связь с рассматриваемыми по делу фактами, часто при этом в логике говорят «релевантность»), хотя здесь есть трудности трактовки терминов),

достоверность (опять формула – «за пределами разумного сомнения»). Суду этого должно быть достаточно для вынесения решения по делу, даже если адвокаты воздействуют или пытаются воздействовать на аудиторию и судей посредством риторических приемов внелогического, и в особенности паралогического характера, когда умозаключение похоже на правильное, но правильным не является. Пример паралогизма дает «ошибка утверждения следствия», о которой говорилось выше.

Напомним, что о логике Аристотеля речь зашла лишь в связи с теоретическим различием форм чувственного (с пятью знаменитыми органами чувств и тремя формами чувственного познания) и рационального (с тремя формами мышления) познания. На этой основе потом выстроена силлогистика как логика простых суждений, и логика высказываний как правил для операций со сложными суждениями, в особенности условными и соединительными. *Целью было показать, что рациональность понималась особым образом, как характеристика аргументов по их форме, с целью их дальнейшей классификации и выделения правильных форм в отличие от неправильных. При этом и правильность понималась особым образом, логически, как сохранение истины от посылок к заключению. Особо отметим, что всякое умозаключение, правильное или неправильное, относилось к рациональному познанию (синоним – мышлению, с его тремя формами). В принципе примерно к концу XIX столетия теория логики изменилась, субъект как предмет высказывания перестал быть понятием, он стал отдельным предметом, а термин «предикат» остался за характеристикой таких отдельных предметов либо в виде свойства, либо в виде отношения к другим предметам. Такая логика получила название «логики предикатов», в отличие от «традиционной логики», и соответственно изменилось представление об аргументации в ее логическом аспекте. Следовательно, изменились некоторые логические черты аргументов, хотя идея логической сущности аргументации осталась.*

И вот здесь опять возникает вопрос о том, что такое рациональность. Понятно, что мышление – это рациональная, а не чувственная форма познания. Это теоретическая форма познания. Но она может быть связана с практикой. Уже у Аристотеля есть учение о практическом силлогизме. Отличие состоит в том, что этот вид силлогизмов относится к действиям в конкретных обстоятельствах, в связи с чем в рассуждении появляются ссылки на требуемые действия и фактические обстоятельства. Приведем примеры.

1. Пусть известно, что согласно нормам права всякий водитель, проехавший на красный свет, должен быть оштрафован. Это установленное конвенционально (юридически) правило. Зафиксирован факт: водитель Петров проехал на красный свет (показания с камер наблюдения имеются). Отсюда следует, что водитель Петров должен быть оштрафован. Такая аргументация в пользу определенного поведения (поступка) будет считаться *практическим силлогизмом*, поскольку относится к практике (деятельности).

2. Пусть известен закон природы, что вода закипает при 100 градусах Цельсия. Имеем конкретный сосуд с водой, а именно *этот, определенный сосуд*, и цель состоит в том, чтобы вскипятить воду. Значит, нужно нагреть воду в этом сосуде до 100 градусов. Опять получаем аргументацию в пользу определенного действия с определенным предметом.

Оба примера показывают, в чем суть практических силлогизмов. Они обосновывают определенные поступки в определенной ситуации в силу наличия в ней признаков, которые позволяют подвести ее под некоторый общий закон. Главный признак даже не наличие закона (законы могут быть и эмпирические), а наличие конкретных обстоятельств. В теоретических силлогизмах рассуждают «вообще», о предметах, к которым относятся составляющие силлогизм понятия. В обе посылки входят только нарицательные имена, рассуждают о признаках (сущности, определении) представленных категорий предметов. В практических силлогизмах законы и правила, природные или общественные, применяются к установленным фактам, единичным событиям, на что указывает вхождение собственных имен и указательных местоимений. И еще: они обосновывают поступки, определенные действия в данной ситуации. Поступок может быть эффективным или не эффективным, заключение практического силлогизма – предписание, которое не характеризуется как истинное или ложное, а как полезное в большей или меньшей степени. Поэтому рациональность практического силлогизма заключается в двух обстоятельствах: во-первых, он представляет мыслительную деятельность (рациональность); во-вторых, он может вести к успеху или неудаче в достижении цели, в зависимости от правильности применения теоретического знания (инструментальность).

В принципе последнее обстоятельство позволяет характеризовать даже теоретические силлогизмы с точки зрения их значения для поведения. Практическую значимость может иметь объяснение или предсказание, а аргументация вообще и силлогистические структуры в частности могут применяться для определенных целей, сход-

ных с практическими. Например, объяснение и предсказание – это эпистемические цели, которые могут быть реализованы посредством силлогистических структур. Именно эта идея положена в основу объяснений с «охватывающим законом». Простой пример дает распространенный часто приводимый в учебниках логики силлогизм: «Все люди смертны, Сократ человек, значит, Сократ смертен». Это может быть и объяснением события «пост фактум», и предсказанием того, что когда-нибудь обязательно произойдет. Вопрос в том, зачем предъясняются подобные силлогизмы. Такая аргументация в каких-то ситуациях полезна, но в других ситуациях оказывается бессмысленной. В случае объяснения смерти Сократа ссылка на то, что все люди смертны, не очень значима как объяснение этого конкретного события. Или вот в повести А. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» описан мучительный вопрос главного персонажа: какое отношение рассуждение про смерть Гая, который человек, и про которого он узнал из курса логики в гимназии, имеет к нему, Ивану Ильичу? Ему же важно знать, почему именно ему выпала такая доля, а все рассуждения по поводу смерти Гая или других людей к нему не имеют никакого отношения. Все подобные коллизии по поводу логики и аргументации обсуждаются как возможность использовать в науке аргументацию о фактах, которые уже случились или которые могут случиться, соответственно для объяснения произошедшего или предсказания будущего. Когда и как возможно считать объяснения через охватывающий закон в аргументации? Каковы условия такого применения логики? Этим вопросам посвящены многие исследования, в частности, в литературе, посвященной методологии истории и социальных наук, например в сборнике статей по методологии истории [1977]. Из подобных вопросов о применении логики в науке становится ясно, что приложения логических структур в практике аргументации могут оцениваться как полезные или бесполезные, эффективные или неэффективные.

Такое может иметь место не только в случае теоретической (эпистемической) полезности логики, но и в случае приложений любой другой науки к вненаучной практике. *И здесь рациональность – это эффективность теоретических методов познания в их практических применениях.* Экономисты, часто имеющие дело с абстракциями математики в их применении к реалиям хозяйственной жизни общества, именно так понимают рациональность. При ошибках в применении приходится утешаться тем, что «древо жизни вечно зеленеет», тогда как «теория суха», что и приводит якобы к неэффективности принимаемых и «теоретически обоснованных» оптимизационных мер.

Зафиксируем теперь результат. Рациональность в классической традиции – это способ реализации аргументации, она существует в форме аргументации. Поскольку аргументацию исторически трудно отделить от логики в ее теоретической форме, рациональность как предпосылка логики должна предшествовать аргументации. Теория дедуктивных рассуждений, считавшаяся органом познания со времен Античности, опиралась на рациональность как теорию необходимой связи между посылками и заключением и объясняла рациональность как правильность операций, выполняемых в мыслительной деятельности, при построении умозаключений. Умозаключение понималось как особая структурная связь между его элементами. Другими словами, умозаключение трактовалось статически, а не динамически, как результат мышления, представленный в доказательстве, сохраняющем истинность в процессе рассуждения. Единственным исключением были практические рассуждения, когда заключение не оценивается на истинность или ложность, будучи командой, предписанием к поведению, полезным или бесполезным в различной мере. В каком смысле практические рассуждения могут характеризоваться как рациональные – это особый вопрос, и при его решении меняется трактовка самого термина. Она уже связывается с эффективностью практической деятельности, и *последовательность категорий меняется* – сначала теория аргументации, потом критерии ее рациональности, и лишь затем вопрос о роли логики в аргументации.

Список литературы

Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 535–593.

Аристотель. Метафизика / Пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.

Философия и методология истории / Под ред. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. 336 с.

Материал поступил в редколлегию 04.07.2018

V. N. Karpovitch

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

kkvvn@gmail.com

RATIONALITY, LOGIC, AND THE THEORY OF ARGUMENTATION

The theory of argumentation is supposed to be connected to rationality. Traditionally, rationality was defined in terms of logic, and at the same time considered as an essential part of the theory of argumentation. Thus argumentation acquired the property of rationality, while the rhetorical component ensured the success of communication. However, the possibilities of different logics and the existence of practical rationality assume a different order of categories by their generality: rationality, argumentation, logic.

Keywords: argumentation, logic, rationality, truth, form, content.

References

Aristotle. O sofisticheskikh oproverzheniyakh [On sophistical refutations]. *Aristotle. Sochineniya [Works]*: In 4 vols. Moscow, 1978, vol. 2, p. 535–593. (In Russ.)

Aristotle. *Metafizika [Metaphysics]* / Transl. from the Greek P. D. Pervov i V. V. Rozanov. Moscow, Institut filosofii, teologi i istorii sv. Fomy, 2006. (In Russ.)

Filosofiya i metodologiya istorii [Philosophy and Methodology of History]. I. S. Kon (ed.). Moscow, Progress Publ., 1977. (In Russ.)